

Молебен не состоялся...

«12 сентября 1906 года в ремонтных мастерских произошел необычный случай, быстро ставший известным населению города. В этот день служили молебен. Накануне рабочие прикрепili за иконой красный флаг с особым механизмом и надписью «Слава борцам за свободу!». Во время молебна флаг взвился над иконой». (В. П. Малышев. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961, стр. 29).

По случаю окончания войны с Японией в церквях, соборах и на многих предприятиях Благовещенска служили молебны. Богослужение с приглашением гостей намечалось провести и в ремонтных мастерских министерского затона.

Начальник мастерских сбился с ног, приводя в порядок запущенное, давно не отремонтированное помещение. Наконечники окон были вымыты, весь хлам унесен подальше с глаз, стены выбелены. А в ночь перед богослужением из кафедрального собора на пролетке привезли большую, оправленную золотом икону. Ее повесили в помещении мастерских на самом видном месте.

Когда ночь опустилась на землю и все погрузилось во мрак, не замеченные сторожем, гремевшим своей трещоткой, по двору метнулись три темные фигуры. Две скрылись в мастерских, третья осталась стоять у входа.

— Свет зажигать не будем, — сказал человек со свертком в руках, — придется орудовать на ощупь.

Это был рабочий затона Николай Иванович Рихтер — один из руководителей подпольной группы, вот уже несколько месяцев действовавшей в мастерских. Подпольщики были связаны с Амурской группой Сибирского союза РСДРП и работали под ее руководством. Большевики решили сорвать богослужение, превратить его в демонстрацию протеста против властей.

...Сторож гремел своей трещоткой. Он так и не за-

метил, как те же три человека скрылись в проломе забора.

На следующее утро в помещении мастерских было тесно. В богатых, обитых кожей экипажах подъехало несколько именитых особ. Их проводили в передние ряды, и богослужение началось. Тучный поп в темном шелковом одеянии начал высокопарно говорить о героизме русских солдат, не жалевших жизни за веру, царя и отечество, о великих жертвах России в минувшей войне. Его бас катился над начавшей изнывать от духоты толпой и тонул где-то в последних рядах.

Вдруг резко прозвучал металлический звон пружины. И в тот же миг за спиной попа взмыло вверх красное полотнище. Оно плеснулось в лучах утреннего солнца и повисло у всех на виду, заслоняя собой икону. На знамени ясно видна была надпись: «Слава борцам за свободу!»

Не поняв, что произошло, поп пытался продолжать молитву. Но в толпе начался шум, по рядам прошло движение. Женщины часто-часто крестились.

— Чудо, чудо! — раздалось в толпе. — Святое знамение...

Поп наконец обернулся, увидел полотнище и замер. К его лицу медленно прилиwała кровь. Начальник мастерских, красный от гнева, опрометью бросился к выходу. Вслед ему, как удары морского прибоя, неслись выкрики рабочих:

— Долой царское самодержавие!

— Да здравствует свобода!

— Позор пособникам царя-убийцы!

Народ повалил во двор. Зажатая в углу старушка говорила:

— Всякие чудеса бывали. Обновлялись иконы — частенько случалось. А чтоб флаг — такого, однако, никто не припомнит. К чему бы это?

— К революции, бабка, вот к чему, — подмигнул ей молодой рабочий, пробиваясь к выходу.

Рабочий не ошибся. «Знамение» действительно предвещало первую русскую революцию. С берегов Невы, с заводских районов Москвы она докатилась и до восточных окраин России.

Дело об аресте

«В августе 1906 года на окраине Благовещенска, около строившихся барачных для местного гарнизона, группа рабочих распространяла среди строителей печатные воззвания — «Манифест к армии и флоту» и «Дума разогнана». Полицией был задержан распространявший листовки матрос Г. Довбня, который, собрав вокруг себя рабочих, читал и раздавал им прокламации. При обыске у него было найдено 53 экземпляра «Манифеста к армии и флоту» и 39 экземпляров воззвания «Дума разогнана». (В. П. Малышев. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961, стр. 35).

В центральном государственном архиве Дальнего Востока хранится дело об аресте в августе 1906 года матроса Григория Михайловича Довбни. К нему приобщены две пачки листовок, изъятых у арестованного. В одной из них говорится: «Напрасно правительство рассчитывает на успех. Дни его сочтены... Революция еще не дошла до своего высшего пункта. Этот момент вооруженного восстания еще не настал, но он придет, и русские рабочие ждут его и готовятся к нему. Будем ждать призыва от наших товарищей — российских социал-демократов. А когда этот призыв будет дан, то мы займем свое место в революционной армии. Это будет последний и решительный бой».

Такие воззвания распространял среди рабочих-строителей матрос министерского затона Г. М. Довбня в один из августовских дней 1906 года. Эти листовки были напечатаны в подпольной типографии Амурской группы Сибирского союза РСДРП.

Григорию Михайловичу в то время было 49 лет. Выходец из крестьян центральной России, он за участие в мятежах был осужден на каторгу. Многолетние каторжные работы отбывал на рудниках Забайкалья. Но

вернуться в центральную Россию ему не разрешили и выдали «вид на жительство» в Благовещенск.

Устроившись в министерский затон, Григорий Довбня сразу же установил связь с Амурской группой Сибирского союза РСДРП. После царского манифеста 17 октября 1905 года он выступает перед рабочими, обличает царское правительство в обмане, принимает активное участие в демонстрациях, митингах.

В январе 1906 года властям удалось подавить забастовку почтово-телеграфных служащих Благовещенска, разогнать съезд амурских казаков, который присоединился к забастовщикам. Революция пошла на убыль. Но Амурская группа РСДРП по-прежнему действовала, издавала листовки, в которых призывала рабочих продолжать борьбу.

Одним из активных агитаторов в это время был Г. М. Довбня.

Его арестовали прямо на стройплощадке. Дюжие полицейские втолкнули матроса в пролетку и увезли в участок.

Утром следующего дня вызвали на допрос.

— Агитацией занимаешься! — сухощавый с колючим взглядом следователь стукнул кулаком по столу. — Откуда у тебя эти грязные бумажки?

Довбня глянул на лежащие на столе пачки листовок и вздохнул: жаль, не успел распространить их среди рабочих.

Видя, что арестованный отвечать не собирается, следователь вскочил.

— Никакие увертки тебе не помогут, мы тебя очень хорошо знаем!

И он достал из папки какую-то фотографию, сунул ее Довбне. Это была найденная жандармами на квартире у арестованного фотография демонстрации, накануне проходившей в Благовещенске. Рядом со знаменем на фото был запечатлен Довбня, а на обороте его рукой было выведено: «Да здравствует революция!»

Григорий Михайлович глянул на фотографию, но на лице его не дрогнул ни один мускул. На своем веку он видел немало следователей, не раз допрашивали его царские ищейки. И никому из них еще не удалось вытянуть из него хотя бы слово.

Много раз водили Г. М. Довбню на допросы, пыта-

лись узнать, состоит ли он в социал-демократической организации, кто еще в нее входит. Но арестованный молчал.

Тем временем друзья Григория Михайловича искали способ помочь ему. Они добились разрешения для жены Довбни носить мужу передачи. Вере Андроновне удалось передать записку, в которой Довбню подробно инструктировали, как себя вести. Раз десять прочел Григорий Михайлович короткое послание с воли. Товарищи предлагали ему притвориться спившимся, выжившим из ума человеком. Только таким путем можно было выбраться из тюрьмы.

Всю ночь Довбня не смыкал глаз: обдумывал, как отныне вести себя.

Вскоре следователь стал замечать, что арестованный заговаривается, порой несет несусветную чушь. А тут еще прокурору от жены Довбни поступило прошение. Она сообщала, что муж ее алкоголик, страдает белой горячкой, а порой и вовсе теряет рассудок.

Следователь сделал запрос в канцелярию управления водных путей. Оттуда пришла бумага, подписанная инженером-механиком, в которой говорилось, что Г. М. Довбня к работе относился честно, ни разу на службе не был замечен пьяным, однако после октябрьского манифеста царя стал произносить никому не понятные политические речи, из чего можно заключить, что он выжил из ума.

Следователь назначил медицинское освидетельствование заключенного. И вот Г. М. Довбня перед комиссией из семи человек. В составе ее врачи Я. Л. Таубер и А. Е. Поздеев. Врачи дали заключение: Г. М. Довбня психически совершенно здоров. «Однако, — говорилось в протоколе, — в момент совершения преступления он мог быть и в беспамятстве, так как изрядно выпил».

Мы не знаем убеждений и взглядов Я. Л. Таубера и А. Е. Поздеева, не знаем, сочувствовали ли они революции, но именно эта сделанная ими приписка спасла от расправы революционера Г. М. Довбню. Состоявшийся вскоре суд, учитывая мнение врачей, допускавших временное помутнение сознания у подсудимого, признал Григория Михайловича невиновным.

Прошло больше шестидесяти лет со времени первой русской революции. Но рабочие Благовещенской ремонт-

но-эксплуатационной базы флота имени В. И. Ленина помнят имя Г. М. Довбни — одного из первых речников Амура, связавших свою жизнь с революционным движением. В музее предприятия есть стенд, рассказывающий об этом человеке. Здесь хранятся и листовки, которые он распространял среди рабочих города в 1906 году.